

А. В. НАЗАРЕНКО

КОГДА ЖЕ КНЯГИНЯ ОЛЬГА
ЕЗДИЛА В КОНСТАНТИНОПОЛЬ?*

Как известно, в 15-й главе книги II трактата Константина Багрянородного «О церемониях византийского двора» описан прием императором киевской княгини Ольги¹. В самом тексте трактата это событие не имеет полной даты; указано лишь, что Ольга побывала в императорском дворце дважды: 9 сентября в среду и 18 октября в воскресенье. Однако этих данных достаточно, чтобы установить, что приемы были либо в 946, либо в 957 г., так как только в эти годы самостоятельного правления Константин VII имело место названное сочетание чисел и дней недели.

В упомянутой главе трактата рассказано не только об Ольге. Большую часть главы занимает повествование о приемах двух арабских посольств. Числа и дни недели этих приемов также указывают на 946 или 957 г.² Вместе с тем в заголовке раздела о первом арабском посольстве, равно как и в соответствующем месте пинака (оглавления) книги II, оно отнесено к IV индикту³, т. е. к сентябрю 945—августу 946 г. Казалось бы, вопрос исчерпан и визит Ольги тоже надо отнести к осени 946 г. Однако такой дате радикально противоречит то обстоятельство, что на десерте после первого приема киевской княгини присутствовали Константин VII, его сын Роман (будущий Роман II) и «багрянородные их дети»⁴: в 946 г. у семилетнего Романа детей быть не могло, зато они вполне могли иметься осенью 957 г., потому что брак его с Феофано, как бы он ни датировался, состоялся существенно раньше сентября 957 г. (подробнее см. ниже). Так как Скилица, единственный греческий источник, помимо обрядника Константина VII, сообщающий о пребывании Ольги в Константинополе, его никак не датирует⁵, а дата древнерусской летописи — 6463 (955/956) г.⁶ — не совпадает ни с одной из двух возможных по Константину, то мнения историков с самого начала разделились.

Насколько нам известно, впервые вопрос о времени поездки Ольги в Царьград специально рассмотрел геттингенский профессор И. Геснер, высказавшийся в пользу 946 г. ввиду указания на IV индикт в заголовках⁷. Мнение И. Геснера поддержал известный исследователь северо-восточноевропейских древностей И. Тунманн, подкрепив его рядом новых аргументов. Так, например, вследствие того, что в рассказе о приемах арабов Роман выведен сопратителем отца, И. Тунманн выступил против принятой в то время вслед за Дюканжем датировки коронации Ро-

* От редакции: статья публикуется в порядке дискуссии.

¹ *Constantini Porphyrogeneti imperatoris de caerimoniis aulae byzantinae libri duo* / E rec. J. J. Reiskii. Bonnae, 1829. Т. 1. (Далее: *De cerim.*). 594. 15—598.12.

² 31 мая в воскресенье, 9 августа в воскресенье, 30 августа в воскресенье: *De cerim.* 570.13—14; 592.2—3; 593.3.

³ *De cerim.* 511.1; 570.15; 588.16.

⁴ *Ibid.* 597.21.

⁵ *Ioannis Scylitzae synopsis historiarum* / Rec. I. Thurn. Berolini et Novi Eboraci, 1973. (Далее: *Scyl.*). P. 240.77—81.

⁶ ПСРЛ. 2-е изд. Л., 1928. Т. I. Стб. 60; 2-е изд. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 49.

⁷ *Gesner J. M. Kleine deutsche Schriften*. Göttingen, 1756. S. 168—184.

мана II пасхой 948 г. и отнес ее к пасхе 945 г.⁸ Решительным оппонентом такой точки зрения выступил А. Шлецер, указавший на ее несогласие с хронологией летописи и предпочитавший держаться поздней даты коронации Романа. Обратил он внимание и на упомянутый пассаж о детях Константина и Романа. Интересно, что при этом поездку Ольги А. Шлецер датировал по летописи 955 г., курьезно замечая, что «не занимается проверкой календарей»⁹. Сумма аргументов достигла относительной полноты. Обзор полемики дал в своем фундаментальном труде по византийской хронологии Ф. И. Круг, высказавшись в итоге в пользу 957 г.¹⁰ Эта гипотеза, «раздваивающая» события, описанные в 15-й главе обрядника, вошла затем в комментарий И. И. Райске к боннскому изданию «De cerimoniis»¹¹ и в компендиум Э. Муральта¹². После того как ее своим авторитетом поддержал митрополит Макарий¹³, она стала безраздельно господствовать в умах историков, так что о самой возможности альтернативной датировки большинством было забыто. Даже такие знатоки, как Е. Е. Голубинский¹⁴ и Г. А. Острогорский¹⁵, были уверены, что 957 г. является единственно возможным, вытекающим из данных трактата «О церемониях».

В последнее время в серии работ Г. Г. Литаврина этот традиционный взгляд был оспорен¹⁶. Решающими для исследователя явились два момента. Во-первых, поскольку календарные порядки дат приемов арабов и Ольги, как указывалось, совпадают и поскольку все эти приемы расположены в хронологической последовательности, то их естественно относить к одному и тому же году, т. е. к 946-му, прямо названному в заголовках к разделу о первом приеме арабов. Во-вторых (здесь в дискуссию привносится новый остроумный аргумент), текст Константина в описании обеда 9 сентября Г. Г. Литаврин предлагает понимать так, будто императрица Елена и ее невестка, жена Романа II, сидели за столом вместе на одном троне Феофила; это было бы неудобно для Феофано, но возможно для девочки Берты, умершей в 949 г. Отсюда *terminus ante quem* для приема Ольги. Место же, где речь идет о детях Константина и Романа, историк считает испорченным.

Нам кажется, что предпринятый Г. Г. Литавриным пересмотр вопроса о дате поездки княгини Ольги в Константинополь вполне оправдан. Как показывает его аргумент с тронем Феофила, ресурсы самого текста 15-й

⁸ *Thunmann J.* Untersuchungen über die Geschichte der östlichen europäischen Völker. Leipzig, 1774. S. 394—405.

⁹ *Шлецер А. Л.* Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке / Пер. с нем. Дм. Языков. СПб., 1819. Т. III. С. 434—445.

¹⁰ *Krug Ph. I.* Kritischer Versuch zur Aufklärung der byzantinischen Chronologie. Sankt-Petersburg, 1810. S. 267—282, 289—291.

¹¹ *Constantini Porphyrogeneti imperatoris De cerimoniis aulae byzantinae libri duo.* Вонпае, 1830. Т. 2. Р. 700, примеч. к р. 595.21, где присутствовавшая на приеме Ольги жена Романа отождествлена с Феофано.

¹² *Muralt E.* Essai de chronographie byzantine pour servir a l'examen des annales du Bas-Empire et particulièrement des chronographes slavons de 395 à 1054. Sanct-Pétérbourg, 1855. P. 529.

¹³ *Макарий (Булгаков).* История христианства в России до равноапостольного князя Владимира как введение в историю русской церкви. 2-е изд. СПб., 1868. С. 253—254.

¹⁴ *Голубинский Е.* История русской церкви. 2-е изд. М., 1901. Т. 1/1. С. 76.

¹⁵ *Острогорский Г.* Византия и киевская княгиня Ольга // *To honor Roman Jakobson.* The Hague, Paris, 1967. Vol. 3. P. 1465.

¹⁶ *Литаврин Г. Г.* Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь: Проблема источников // ВВ. 1981. Т. 42. С. 35—48; *Он же.* О датировке посольства княгини Ольги в Константинополь // ИСССР. 1981. № 5. С. 173—183; *Он же.* Состав посольства Ольги в Константинополь и «дары» императора // ВО. М., 1982. С. 71—92; *Он же.* Христианство на Руси в правление княгини Ольги // *Gesellschaft und Kultur Russlands im frühen Mittelalter* / Hrsg. E. Donnert (Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. Wissenschaftliche Beiträge 1981/54 (С. 21). Halle (Saale), 1981. S. 138—141); *Он же.* Древняя Русь, Болгария и Византия в IX—X вв. / История, культура, этнография и фольклор славянских народов: IX международный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983 г.: Доклады советской делегации. М., 1983. С. 68—71; *Он же.* Русско-византийские связи в середине X в. // ВИ. 1986. № 6. С. 41—52; *Он же.* К вопросу об обстоятельствах, месте и времени крещения княгини Ольги // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования, 1985 год. М., 1986. С. 49—57.

главы использованы пока далеко не полностью. Вместе с тем в работах Г. Г. Литаврина затронуты не все аспекты проблемы. Так, например, обойден вниманием вопрос об аутентичности заголовков, а он важен, коль скоро ориентация на их данные вынуждает предпринимать конъектуру в основном тексте. Данные древнерусской летописи привлекаются историком, по существу, только в связи с имеющейся здесь датой крещения Ольги в Царьграде (955 г.), тогда как уже затрагивающийся в историографии вопрос о том, насколько вписывается в летописный контекст гипотеза о 946 г., не рассмотрен. Немаловажно и то, что круг вовлеченных в полемику источников может быть расширен за счет некоторых арабских авторов, содержащих сведения о византийско-арабских отношениях середины X в. Все это дает нам основания продолжить обсуждение темы, возобновленное Г. Г. Литавриным.

Суммируем главные доводы, выдвигавшиеся до сих пор в литературе за и против гипотезы о 946 г. как дате поездки Ольги.

За: IV индикт в заголовках о приеме арабских послов, прибывших из Тарса; аргумент с троном Феофила.

Против (и, следовательно, в пользу 957 г.): дата коронации Романа II, если считать таковой пасху 947 или 948 гг.; упоминание по крайней мере одного ребенка Романа II, находившегося за столом 9 сентября; несовместимость поездки в 946 г. с летописным рассказом 945—947 гг.

Рассказ Скилицы трактовался в свою пользу сторонниками как 946. так и 957 г. Рассмотрим все эти доводы по порядку.

* * *

Общеизвестно, что как сама система членения текста на главы, так и заголовки, которыми в средневековых рукописях снабжались структурные единицы текста, были очень подвижны и изменчивы. Они могли отличаться даже в рукописях, представляющих одну редакцию одного и того же сочинения. Поэтому, сталкиваясь с противоречием между заголовком и самим текстом, следует, как нам кажется, начинать не с исправления текста источника, а с испытания на надежность заголовка. Такого испытания до сих пор, насколько нам известно, проведено не было. Между тем кое-какие соображения на этот счет возможны, даже если ограничиться только заголовками к 15-й главе, не анализируя оглавления трактата в целом.

Рукописная традиция «De serimoniis» такова, что сомнения в аутентичности заголовков имеют право на существование. Единственная сохранившаяся рукопись является не автографом, а копией XII в.¹⁷ Структура сочинения, история его возникновения в целом, равно как и отдельных его частей, пока изучены далеко не достаточно. Вместе с тем ясно, что текст трактата в том виде, в каком он дошел до нас, не может принадлежать времени Константина VII (умер в ноябре 959 г.). Позднейшим добавлением являются, например, последние главы I книги (гл. 96—97), где, в частности, описана коронация Никифора Фоки (963)¹⁸. Несомненно, в позднейшей переработке сохранилась и глава II.42, где среди погребенных членов Македонского дома упомянуто и захоронение Константина VII¹⁹. Таким образом, следы вмешательства в текст после Константина налицо²⁰. Ясно, что оно могло затронуть и заголовки 15-й главы.

¹⁷ О датировке Cod. Lipsiensis см.: *Moravcsik Gy. Byzantinoturcica. 2. Aufl. B., 1958. Bd. 1. S. 382.* Большие фрагменты трактата «О церемониях» обнаружены К. Манго и И. Шевченко в качестве первоначального текста на одном палимпсесте не младше XI в. Они ориентировочно датируются XI в. (см.: *Mango C., Sevčenko I. A New Manuscript of the De serimoniis // DOP. 1960. Vol. 14. P. 247—249*) и пока не введены в науку. Существенно, что, по оценке первооткрывателей, отклонения текста фрагментов от лейпцигского списка весьма значительны и тексты, скорее всего, принадлежат к разным редакциям.

¹⁸ *De serim. 433. 10—440.11.*

¹⁹ *Ibid. 643.6—8;* чуть ниже Константин VII еще раз упомянут как покойный: *Ibid. 643.20.*

²⁰ *Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des Oströmischen Reiches. 2. Aufl. München, 1897. S. 255; Hunger H. Die hochspr-*

Приемы арабов датированы IV индиктом только в заголовках, в тексте этой даты нет (см. также примеч. 32). Поэтому те историки, которые, с одной стороны, следовали естественному впечатлению, что приемы арабов и Ольги происходили в одном и том же году, а с другой стороны, относили пребывание Ольги в византийской столице к 955 или 957 г., давно уже высказывали подозрения относительно достоверности заголовков. Так, А. Л. Шлецер отметил следующий нюанс: в тексте 15-й главы Ольга именуется «ἀρχοντίσσα Ῥωσίας»²¹, тогда как в заголовке внутри текста она названа «Ἐλγα ἡ Ῥωσένη»²².

По мнению историка, это может свидетельствовать о разновременности текста и заголовка²³. Замечание А. Л. Шлецера заслуживает внимания. Оно может быть подкреплено и другими наблюдениями.

Прежде всего обратим внимание на то, что своим объемом и формой заголовки к 15-й главе резко выделяются сравнительно с прочими. Вот несколько примеров, взятых подряд из ближайшего контекста. «Что следует соблюдать в (день) *παράνη χοριακή* или в иной обычный день, если государи вознамерились направиться на моление к св. Апостолам или в какой-нибудь другой храм (II.13); «Что следует соблюдать при хиротонии патриарха константинопольского» (II.14); «Что следует соблюдать, когда арховты четырех тагм направляются на ипподром» (II.16); «Венчание Романа Порфирогенита, сына василевса Константина» (II.17)²⁴ и т. п. Сравним теперь с этими лапидарными заглавиями заголовок главы 15: «Что следует соблюдать, когда прием происходит в Большом триклине Магнавры, а государи восседают на Соломоновом троне. О приеме, происходившем в этом триклине при Константине и Романи в (честь) прибытия послов эмира ал-муменин, явившихся из Тарса ради обмена пленными и мира, 31 мая в воскресенье в IV индикт. Здесь и о приеме испанов и о случившихся тогда играх на ипподроме. Равным образом и о празднике Преображения господня и о приеме делемики. Еще (о приеме) игемона и архонтиссы Руси Эльги. Как это все было»²⁵.

Совершенно очевидно, что «нормальным» заголовком здесь является только первое предложение. Все остальное — многословная конкретизация темы с именами и датами — вовсе не свойственно манере Константина. Свои церемониальные предписания василевс-писатель составлял, абстрагируясь от частных прецедентов и тщательно устраняя из использованных им протоколов все данные, указывавшие на конкретные обстоятельства. Именно в этой манере выполнены, например, многочисленные и детализованные, но лишённые какой бы то ни было конкретики коронационные церемониалы, живые прототипы которых удаётся, однако, установить²⁶.

Читая трактат, сразу же убеждаешься, что автора, как правило, не интересуют абсолютно точные даты с указанием года или индикта, а только место того или иного события внутри церковного годового календаря, что и понятно: детали церемониала менялись в зависимости не от года, а от того, происходил ли он, скажем, в один из главных «двунадесяти» праздников, в один из великопостных дней, в обычное воскресенье или просто в будний день. Это достаточно хорошо видно уже из приведенных выше

chliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. 1. S. 360—367; *Karayannopoulos J., Weiss G.* Quellenkunde zur Geschichte von Byzanz (324—1453). Wiesbaden, 1982. Halbbd. II/4. S. 342.

²¹ De cerim. 594.18; см. также «ἀρχοντες Ῥωσίας». — Ibid. 595.3; 597.9.

²² Ibid. 594.15; в пинаке: «ἀρχοντίση(!) τῶν Ῥῶς». — Ibid. 511.5—6.

²³ Шлецер А. Л. Указ. соч. С. 442—445.

²⁴ De cerim. 510.12—15; 557.2—3; 510.16—17; 564.2—3; 511.7—8; 598.14—15; 511.9—10.

²⁵ Ibid. 510.18—511.16. Так — в пинаке; внутри текста этот заголовок разбит на части и иногда несколько видоизменен; например, в разделе об играх на ипподроме сказано: «Об играх на ипподроме, произошедших в честь друзей-сарацинов по поводу мира и обмена пленными в IV индикт при Константине и Романи Порфирородных василевсах» (De cerim. 588.15—17).

²⁶ Ostrogorsky G., Stein E. Die Krönungsordnungen des Zeremoniebuches // Byz. 1932. T. 7, fasc. 1/2. P. 185—233; Historische Bücherkunde Südosteuropa. München, 1978. Bd. 1. Teil. 1. S. 195, N 282.

заголовков. Описания арабских и русского приемов в 15-й главе II книги явно не вписываются в норму. Возникает впечатление, что они представляют собой как раз один из тех находившихся в работе материалов, которые автор не успел «вработать» в текст и на наличие которых именно во II книге уже указывалось²⁷. Из сказанного видно, что уверенности в принадлежности заголовков к данной главе перу Константина Багрянородного нет: они придают тексту вид формальной законченности, тогда как с точки зрения манеры автора он выглядит, скорее, недоработанным.

Настораживают и несоответствия между текстом и заголовками. Кроме отмеченного А. Л. Шлецером гапакса «'Ελληνά ἢ Ῥωσέννη», обращают на себя внимание также следующие моменты. Три из четырех датированных приемов, описанных в 15-й главе, имели место в воскресенье. Каждый раз в тексте в этом случае употреблен термин «ἡμέρα κυριακή»²⁸, в то время как в заголовке стоит и в пинаке, и внутри текста «ἡμέρα α'», т. е. «в первый день»²⁹. Далее, здесь вскользь упоминается какой-то прием испанов³⁰, видимо, по той причине, что он несколько отличался от приемов арабов-тарситов (по крайней мере, только эти отличия и отметил Константин). Назван день приема — 24 октября, о годе же умалчивается (что, как мы видели, вовсе не странно), хотя текст можно понять и так, что испанские арабы принимались тогда же, когда тарситы и Ольга. Именно так его и понял неизвестный автор заголовка, написав: «здесь и о приеме испанов; и о случившихся тогда (τότε) (курсив наш. — А. Н.) играх на ипподроме», т. е. представление на ипподроме, произошедшее до Преображения (до 6 августа), и прием испанов 24 октября состоялись, по его мнению, в один и тот же 946 г. Но испанское посольство поддается точной датировке. Очевидно, Константин имеет в виду тех испанов, которые прибыли в Константинополь примерно в одно время с Лиутпрандом, т. е. около середины сентября 949 г.³¹; во всяком случае, у нас нет сведений о каких-либо других посольствах из Испании при Константине VII. Если так, то нельзя, разумеется, признать, что подобное недоразумение вышло из-под пера автора, знавшего, что приемы тарситов и испанов на самом деле разделены трехлетним промежутком, и, наоборот, оно естественно для более позднего редактора, ориентировавшегося только на двусмысленный в данном месте текст Константина.

Но, допустив, что заголовки, по крайней мере 15-й главы II книги, дошли до нас не в первоначальной редакции, а в более поздней обработке, можно ли безусловно полагаться на содержащуюся в них дату и считать поэтому неисправным то место текста, где упоминаются дети Константина и Романа? IV индикт возбуждает, кроме того, определенные сомнения и сам по себе, вне текстологии.

Темой переговоров с арабами в заголовках названы «обмен пленными и мир» («τὸ ἀλλάγιον καὶ ἡ εἰρήνη») ³². Известно, что в октябре 946 г. в самом деле имел место один из обменов, происходивших регулярно раз в восемь-десять лет. Единственным источником, в подробностях сообщаящим о переговорах 946 г., является арабский историк ал-Масуди (умер в 956 г.). И вот оказывается, что описания ал-Масуди и обрядника Константина Багрянородного существенно расходятся в ряде ключевых моментов.

Инициатором обмена 946 г. был эмир Египта и Сирии Унуджур ал-Ихшид, во владения которого входила тогда сирийская пограничная об-

²⁷ *Bury J. B. The Ceremonial Book of Constantine Porphyrogenitus // The English Historical Review. L., 1907. Vol. 22, N 86. P. 209—227; Karayannopoulos J., Weiss G. Op. cit. S. 342; «unredigierte Materialsammlung».*

²⁸ *De cerim. 592.3; 593.1; 598.3.*

²⁹ *Ibid. 511.1; 570.15.*

³⁰ *Ibid. 571.11—16; 580.11—12.*

³¹ *Die Werke Liutprands von Cremona / Hrsg. J. Becker. 3. Aufl. Hannover; Leipzig, 1915. P. 154 (Antap. VI. 4—5).*

³² *De cerim. 510.23—511.1; 570.14—15; 588.16.* Здесь мы опять сталкиваемся с тем странным обстоятельством, что информация заголовка не «пересекается» с текстом, где ни о мире, ни об обмене пленными нет речи. Ясно только, что велись какие-то византийско-арабские переговоры.

ласть. Он направил своего посла в Константинополь, который вместе с греческим послом монахом Иоанном вернулся в Дамаск в начале июля. В связи со смертью ал-Ихшида 11 июля обмен был доведен до конца эмиром Алеппо Сайф ад-даулой. Таковы данные ал-Масуди³³. Иную картину наблюдаем у Константина.

Тарситы, которых принимали 31 мая, были послами багдадского халифа: «τῶν παρὰ τοῦ Ἀμερμουῦ ... πρέσβων»³⁴. Титул «повелителя правоверных» (эмир ал-муменин, Ἀμερμουῦ греческого текста), изначально принадлежавший багдадским халифам, в середине X в. применялся уже и к другим арабским государям: Омейядам в Испании и Фатимидам в Северной Африке³⁵. Но по отношению к прочим правителям, тем более номинально подчиненным Багдаду (как египетские эмиры), он не был в употреблении. Во II книге обрядника Константина в главе 47 изложена официальная титулатура, бывшая в ходу в императорской канцелярии применительно к иноземным государям. Здесь титул Ἀμερμουῦ относится, кажется, только к халифу Багдада, так как послы Ἀμερμουῦ приходят из Сирии³⁶, а это не подходит к кайруванским или тем более кордовским послам. Эмиры Египта, Персии и т. д. попадали в рубрику «независимых от василевса ромеев, но находящихся под властью Ἀμερμουῦ или не находящихся»³⁷.

Далее, по ал-Масуди, арабский посол был один и отбыл из Константинополя, вероятно, около середины июня, а согласно Константину, послов было двое и они пребывали в византийской столице еще в августе. У ал-Масуди арабским послом является ал-Баки из Аданы, а у Константина послы названы тарситами³⁸. Эти несообразности дают право сомневаться в том, что у обоих авторов речь идет об одних и тех же событиях.

Но одних сомнений мало: надо еще проверить, в какой мере описание арабских посольств в обряднике Константина согласуется с данными об арабо-византийских отношениях около 957 г.

Вторая половина 50-х годов X в. ознаменована целым рядом мирных соглашений Византии с арабскими государями. На это время приходится мир с североафриканским халифом Кайрувана, который Продолжатель Феофана приписывает впечатлению, произведенному в Африке удачными военными действиями Мариана Аргира в Сицилии. Согласно этому же источнику, примеру Фатимидов немедленно последовали эмиры Египта и Персии, причем соглашению с последним император придавал столь большое значение, что даже отправил к нему заложников³⁹. Не очень ясно, можно ли полностью доверять Продолжателю Феофана, говорящему именно о мирном договоре между Константинополем и Кайруваном, но переговоры о нем, во всяком случае, действительно велись, так как в 346 г. хиджры (4 апреля 957—24 марта 958 г.), по арабским источникам, при дворе халифа ал-Муизза побывало греческое посольство⁴⁰. Следовательно, если принимать логику Продолжателя Феофана, примерно этим же временем можно датировать и мирные договоры с Египтом и Персией. Что за персидский эмир имеется в виду и почему поддержание дружеских

³³ Васильев А. А. Византия и арабы. СПб., 1904. Ч. 2. Прил. С. 41—42.

³⁴ De cerim. 570.13—14.

³⁵ Это обстоятельство, естественно, было известно Константину. Ср.: «τρεῖς ἀμερμουνεῖς» в Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio / Ed. Gy. Moravcsik, R. J. H. Jenkins. 2nd. ed. Wash., 1967. (Далее: De adm. imp.). Cap. 25. P. 106.56—62.

³⁶ De cerim. 682. 18: «οἱ ἀπὸ Συρίας καὶ τοῦ Ἀμερμουῦ ἐρχόμενοι πρέσβεις». Характерно и то, что в формуляре письменного обращения к Фатимидам этот титул отсутствует — африканский халиф назван «Ἀμερᾶς Ἀφρικῆς» и «ἐθνεύεστατος ἐξουσιαστής τῶν Μουσουλμανικῶν» (Ibid. II, 48. P. 689. 15—18), тогда как багдадский владыка и здесь упомянут под именем Ἀμερμουῦ (Ibid. 686.14).

³⁷ Ibid. 685.7—9.

³⁸ Ibid. 570.13—14: «ἀπὸ τῆς Ταρσοῦ» и далее повсеместно «Ταρσίται».

³⁹ Theophanes Continuatus, Joannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / Rec. J. Becker. Bonnæ, 1838 (Далее: Theoph. Cont.). P. 455.13—20.

⁴⁰ Васильев А. А. Указ. соч. С. 308, прил. С. 155; Stern S. M. An Embassy of the Byzantine Emperor to the Fatimid Caliph al-Mu'izz // Byz. 1950. T. 20. P. 239 ff.

отношений с ним около 957 г. было столь важно для Византии? Ведь, по сути дела, империя не могла иметь с ним даже общей границы, потому что как месопотамская, так и сирийская (последняя с момента смерти ал-Ихшида) пограничные области находились в руках заклятого врага греков Сайф ад-даулы. Найти ответ на этот вопрос будет несложно, если учесть, что с 945 г. Аббасиды оказались под опекой западноиранских эмиров из династии Буидов⁴¹. Дружба с эмиром Кирмана и Хузистана Муиззом ад-даулой Ахмадом, основателем багдадской ветви Буидов, означала взаимопонимание с номинальным владыкой мусульманского Востока. В лице персидского эмира-шиита византийская дипломатия могла не без основания (как показала роковая для Хадманидов борьба с сыном Ахмада в 70-х годах X в.) искать союзника против неутомимого Сайф ад-даулы, коль скоро мир с этим последним оказался, как мы увидим чуть ниже, неосуществимым. Так или иначе, переговоры, которые, согласно интересующей нас главе «De cerimoniis», вели в Константинополе послы багдадского халифа с мая по август 946 или 957 г., на наш взгляд, могли быть теми мирными переговорами, которые, по Продолжателю Феофана, происходили между Византией и эмиром Персии около 957 г. Это объяснило бы и ту совершенно исключительную торжественность, с какой Константин VII принимал «друзей-сарацинов»⁴².

В августе к послам халифа присоединился эмир Амиды — посол Абу-Хамдана, т. е. Сайф ад-даулы. Известно, что Константин VII неоднократно направлял последнему мирные предложения. Историки насчитывают три таких случая: в марте 953 г., в июне 954 г. и в начале 956 г.⁴³ Но мирное соглашение тогда так и не было заключено.

Борьба в 956 г. шла с переменным успехом. Нанеся поражение Иоанну Цимисхию, при котором греки потеряли около 4 тыс. убитыми, Сайф ад-даула удалился в Амиду. Но в это время сын domestika Варды Фоки Лев Фока разбил оставленный Сайф ад-даулой для починки и обороны крепости Арандас отряд Абу-ал-Ашаира Ибн Хамдана, двоюродного брата алеппского эмира, а самого Абу-ал-Ашаира взял в плен⁴⁴. Хадманид был отправлен в Константинополь, где во время триумфа император, согласно протоколу⁴⁵, наступил ногою на шею лежащего ниц араба, но потом (уже вопреки протоколу) поднял его, обласкал и одарил подарками⁴⁶. Константин, без сомнения, рассчитывал использовать пленение близкого родственника Сайф ад-даулы для достижения, наконец, перемирия с этим последним. Едва ли его надежды были беспочвенны, так как нам известно, что эмир Алеппо повел себя в конце 956 г. аналогично: благосклонно принял в Адане разбитого греками эмира Тарса, милостиво обошелся с византийскими пленными в Алеппо, велел снять с них оковы и раздать подарки⁴⁷. Не было бы ничего удивительного, если бы посол сирийского эмира оказался в августе месяце в Константинополе. Другое дело, что мир все-таки не был заключен вследствие неудачного покушения на жизнь Сайф ад-даулы, инспирированного Византией⁴⁸. Абу-ал-Ашаир умер в плену.

⁴¹ *Toumbes A. Constantine Porphyrogenitus and His World. L., 1973. P. 377; Босворт К. Э. Мусульманские династии: Справочник по хронологии и генеалогии. М., 1971. С. 139.*

⁴² В их честь император внес в традиционный ритуал торжественного выхода на Преображение характерные изменения: василевсы были облачены в лоры, а в руках несли не скипетры, а кресты и акакии (De cerim. 591.2—4), что является атрибутом только наиболее торжественного пасхального выхода: См.: *Беляев Д. Ф. Byzantina: Очерки, материалы и заметки по византийским древностям. СПб., 1893. Ч. 2. С. 206 и примеч. 1; С. 207, примеч. 1.*

⁴³ *Васильев А. А. Указ. соч. С. 291, 294, 296; Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches von 565—1453. Berlin; München, 1924. Bd. 1. S. 83, nn. 662, 663, 665.*

⁴⁴ *Васильев А. А. Указ. соч. С. 296—297.*

⁴⁵ De cerim. II, 19. P. 511.14—16; 610.17—19.

⁴⁶ *Scyl. 241.18—24.*

⁴⁷ *Васильев А. А. Указ. соч. С. 298—299.*

⁴⁸ *Васильев А. А. Указ. соч. С. 300.*

Из всего сказанного заключаем, что заголовки главы II.15 испытания на достоверность в полной мере не выдерживают. Несмотря на то что в начале V индикта (осенью 946 г.) действительно состоялся обмен пленными, его детали во многом противоречат описанию Константина. Более того, все, что известно о событиях 957 г., не только не противоречит этому описанию, но и достаточно удачно согласуется с ним. Следовательно, надо всерьез считаться с возможностью позднейшего создания заголовков *ad hoc*. Редактор, обнаружив к 15-й главе II книги «приложение» в виде описания приемов арабов и Ольги, решил отразить это обстоятельство в заголовке. Он заметил, что на обеде 31 августа присутствовали арабские пленники, и на этом основании квалифицировал описанные переговоры как переговоры об обмене пленными, а такой обмен во время правления Константина и Романа был только один — в октябре 946 г. Так или приблизительно так мог бы возникнуть IV индикт в заголовке.

Совпадение календарных порядков года, когда происходили описанные здесь приемы, и IV индикта приходится признать случайным — так же, впрочем, как и в том случае, если к 957 г. относить только прием Ольги. Надо помнить, что годов с одним и тем же календарным порядком в течение столетия бывает 14—15; тот же календарный порядок, что и 957 г., имели еще 901, 907, 912, 918, 929, 935, 940, 946, 963, 968, 974, 991, 996 гг. Вероятность совпадения, таким образом, вполне реальна: около 15 %. Итак, категорически утверждать, что все описанные в главе II, 15 приемы (если они в самом деле относились к одному году) происходили именно в 946 г., было бы, на наш взгляд, преждевременно. Осторожнее пока признать этот вопрос открытым.

Но даже допуская достоверность указания заголовка на IV индикт, нельзя однозначно относить его ко всем приемам, о которых идет речь в изучаемой главе.

Исходя из совпадения календарных порядков года приема арабов и года приема Ольги, Г. Г. Литаврин писал: «Создается впечатление, что для написания 15-й главы император затребовал из канцелярии ведомства логофета дрома. . . протоколы за один год (946) и при рассказе о церемониях во время приемов следовал тому порядку, в каком протоколы хранились в архиве. . . Таким образом, указание на IV индикт играет роль общей датировки следующих далее документов»⁴⁹. Но ведь перед нами не просто копии с дипломатических протоколов или выписки из них, а текст, уже препарированный, как это видно из неоднократных внутри-текстовых привязок типа «все было в соответствии с описанным приемом» и т. п. Ссылки на прием испанов, состоявшийся, как сказано, скорее всего, осенью 949 г., ясно показывают, что среди доставленных Константину архивных документов были не только протоколы за 946 г. Зная манеру работы императора (о ней уже шла речь выше), легко предположить, что приложение к «формульной» части 15-й главы — это что-то вроде заготовки со сведениями о прецедентах, на основе которых автор намеревался «абстрагировать» новые нюансы церемониала, но по какой-то причине не смог (не успел?) этого сделать. Во всяком случае, мы имеем дело не просто с иллюстративным материалом (он нетипичен для Константина и в других местах), а с характерными примерами, когда протокол развернулся с наибольшей полнотой, т. е. создал максимум различных прецедентов, либо вследствие своей особой торжественности, как в случае с «друзьями-сарацинами» (см. примеч. 42), либо вследствие необычности самих обстоятельств: приема женщины-архонтиссы, в котором пришлось принимать участие женской половине царствующего семейства и двора. Для таких целей конечно же никак не подошел бы просто случайный годовой комплект, тем более что и его, строго говоря, нет, поскольку IV индикт в заголовках о приеме тарситов не может относиться ко всем приемам, играть роль общей датировки.

⁴⁹ Литаврин Г. Г. Христианство на Руси. . . С. 140; *Он же*. О датировке. . . С. 180.

Действительно, приемы, приходящиеся на сентябрь и октябрь (Ольги и испанов), относились бы уже к следующему V индикту. Эту трудность видит и Г. Г. Литаврин, но считает, что аргумент с тронном Теофила дает право безусловно решить вопрос и предпочесть 946 г. 957-му⁵⁰. В самом ли деле настолько весом и бесспорен этот аргумент?

Предположим, что Г. Г. Литаврин прав и августа сидела за столом на одном троне вместе с невесткой. Пусть даже такое соседство и не было физически стеснительным благодаря возрасту жены Романа II и величине трона — все же невольно возникают сомнения относительно того, насколько оно согласуется с известной чинностью византийского этикета. Пусть «золотое кресло», на котором невестка сидела во время приема, — это маленькое детское креслице, нарочно приспособленное к возрасту и росту семилетней девочки Берты; но неужели во дворце не нашлось бы подходящего кресла, достаточно высокого для того, чтобы супруга василевса-соправителя чувствовала себя удобно за столом? Однако оставим общие соображения. Нам кажется, довод Г. Г. Литаврина небезупречен и в формальном отношении.

Интересующее нас место: «Ἐκαθέσθη ἐν τῷ προῤῥηθέντι θρόνῳ ἡ δέσποινα καὶ ἡ νόμφη αὐτῆς, ἡ δὲ ἀρχοντίσσα ἐκ πλαγίου ἕστη»⁵¹ — Г. Г. Литаврин переводит так: «на упомянутый выше трон сели деспина и невестка, архонтисса же стояла сбоку»⁵². Перевод буквален, за исключением одной детали: в оригинале сказуемое стоит в ед. числе — «села». Ученый оговаривается, что употребление ед. числа сказуемого при многих подлежащих встречается в рассказе об Ольге неоднократно⁵³. Такие случаи действительно есть. Приведем их, пронумеровав для облегчения дальнейшего анализа (обсуждаемому фрагменту присвоим № 1): 2) во время приема (не за столом): «ἡ δὲ δέσποινα ἔκαθέσθη ἐν τῷ προῤῥηθέντι θρόνῳ, καὶ νόμφη αὐτῆς ἐν τῷ σελλίῳ» — «деспина села на упомянутый трон (Феофила. — *А. Н.*), а невестка ее в кресло»⁵⁴; 3) «καθεσθεις ὁ βασιλεὺς μετὰ τῆς αὐγούστης καὶ τῶν πορφυρογεννήτων αὐτοῦ τέκνων» — «сел василевс с августой и порфирородными его детьми»⁵⁵; 4) на десерте после обеда 9 сентября: «ἔκαθέσθη ὁ βασιλεὺς καὶ ὁ Ῥωμανὸς ὁ πορφυρογέννητος βασιλεὺς καὶ τὰ πορφυρογέννητα τούτων τέκνα καὶ ἡ νόμφη καὶ ἡ ἀρχοντίσσα» — «сел василевс и Роман, порфирородный василевс, и порфирородные их дети, и невестка, и архонтисса»⁵⁶; 5) на обеде 18 октября: «καὶ ἔκαθέσθη ἡ δέσποινα μετὰ τῶν πορφυρογεννήτων αὐτῆς τέκνων καὶ τῆς νόμφης καὶ τῆς ἀρχοντίσσης» — «села деспина с порфирородными своими детьми, и невестка, и архонтисса»⁵⁷.

Во фрагменте № 2 точно указано, на чем сидели как императрица, так и ее невестка. Здесь речь идет не об обеде, а об официальном приеме, подобном тому, какой только что состоялся у императора. В таких случаях Константин предпочитает приводить названия тронов: второй прием тарситов происходил не в Большом триклине, а в Хрисотриклине, и потому отмечается, что Константин сидел не на Соломоновом троне, а на троне св. Константина, Роман же — на троне Аркадия⁵⁸. Во всех остальных случаях говорится о присутствии членов царского семейства при беседе после официального приема (№ 3) либо за столом; в этих случаях нигде не уточнено, где кто сидел, за единственным исключением обсуждаемого эпизода с деспиной (№ 1). Если так, то логично ли из отсутствия подобного уточнения по отношению к невестке на обеде 9 сентября заключать, что она непременно сидела на одном троне с деспиной, про которую в виде исключения (причина его неясна, но и неважна для нас) сказано, что она

⁵⁰ Литаврин Г. Г. К вопросу об обстоятельствах. . . С. 51.

⁵¹ De serim. 596.22—597.1.

⁵² Литаврин Г. Г. Путешествие русской княгини Ольги. . . С. 44.

⁵³ Там же. С. 54, примеч. 92.

⁵⁴ De serim. 595.20—24.

⁵⁵ Ibid. 596.17—18.

⁵⁶ Ibid. 597.20—22.

⁵⁷ Ibid. 598.6—8.

⁵⁸ Ibid. 587.4—7.

сидела на троне Феофила? Как бы то ни было, стилистическую неловкость, к которой Г. Г. Литаврин считает возможным свести дело в пассаже о детях Романа и Константина (№ 4)⁵⁹, скорее, можно увидеть здесь в № 1, где по недосмотру переписчика легко могло быть пропущено «ἐν τῷ σελλίῳ» (по аналогии с № 2); в № 4 такая естественная конъектура невозможна.

В самом деле, гипотеза о 946 г. требует признать текст в этом месте неисправным. Так как в имеющейся рукописи явных дефектов (лакун, порчи пергамента и т. п.) нет, то приходится предполагать ошибку кописта, а это значит, что должна быть предложена удобная конъектура. Г. Г. Литаврин обсуждает сразу две возможности, хотя обе вскользь: по его мнению, следует либо читать «τούτων» «их» как «τούτου» «его» (т. е. одного Константина VII), либо предполагать, что пропущено слово «δέσποινα» «императрица», и тогда «их» обозначало бы детей Константина и Елены⁶⁰.

Такие исправления кажутся нам не совсем удачными, так как сопряжены с необходимостью дополнительно переставлять слова внутри фразы: «τὰ . . . τέχνα» помещая перед «Ῥομάνος . . . βασιλεύς». Видимо, чтобы избежать такой перестановки, Г. Г. Литаврин предполагает, что имя соправителя при всех обстоятельствах надо было упомянуть на втором месте⁶¹. Возможно. Однако тогда следовало бы ожидать после упоминания Романа не просто «τὰ πορφυρογέννητα τούτου τέχνα», а что-либо вроде «τὰ λοιπὰ πορφυρογέννητα τούτου τέχνα» — «и остальные порфирородные его дети». Предположение о том, что Роман как соправитель должен был непременно быть поименован на втором месте сразу после отца, выглядит убедительно. Вместе с тем в таком случае приходится признать, что послеобеденная беседа 9 сентября — единственное из связанных с приемом Ольги мероприятий, в котором принял участие василевс-соправитель (по крайней мере, только во фрагменте № 4 он назван *expressis verbis*); во всех же остальных случаях (даже в тех, когда прием был организован не одной только женской половиной двора) под «порфирородными детьми» Константина VII подразумевались исключительно его дочери (см., например, фрагмент № 3).

Разумеется, для отсутствия Романа на приеме 9 сентября могли быть свои причины, и даже не связанные с дворцовым протоколом. При всем том выглядит несколько странным, что василевс-соправитель, присутствовавший вместе с отцом, матерью и сестрами на десерте 9 сентября, отсутствовал на наиболее официальной части приема в этот же день, хотя в ней приняли участие его сестры, вряд ли имевшие на то больше права. Поэтому, на наш взгляд, следует всерьез считаться с возможностью, что выражение «порфирородные дети», особенно во фрагменте № 3, покрывало всех детей Константина и Елены, в том числе и Романа. Но тогда его отдельное поименование во фрагменте № 4 должно было иметь какие-то особые причины. Такой причиной могла быть именно необходимость упомянуть о его отпрыске наряду с детьми Константина VII⁶².

Г. Г. Литаврин замечает, что упоминание невестки на последнем месте, после упоминания о детях, как бы «отделяет» ее от них; кроме того, по мнению историка, если бы она уже была матерью порфирородного ди-

⁵⁹ Литаврин Г. Г. Путешествие русской княгини Ольги. . . С. 45, примеч. 109.

⁶⁰ Литаврин Г. Г. О датировке. . . С. 183; *Он же*. Русско-византийские связи. . . С. 42; *Он же*. К вопросу об обстоятельствах. . . С. 50—51.

⁶¹ Литаврин Г. Г. Русско-византийские связи. . . С. 42, примеч. 10.

⁶² Совсем недавно о проблеме «порфирородных детей» в главе II, 15 высказался Ф. Тиннефельд: *Tinnefeld F. Die russische Fürstin Olga bei Konstantin VII. und das Problem der «purpurgeborenen Kinder» // Russia Mediaevalis. München, 1987. T. VI. 1. S. 30—37*. Историк справедливо указал на то, что предлагаемые Г. Г. Литавриным конъектуры не могут служить выходом из положения, так как упоминание о Романо по-прежнему оstarся перед упоминанием о «порфирородных детях». В то же время Ф. Тиннефельд, как нам кажется, выходящая проблема, считая, что речь идет всего лишь о «небрежности составителя» обрядника. Раз протокольный порядок перечисления требовал назвать Романа на втором месте, то выбор грамматической конструкции для обозначения его сестер представлял собой, по мнению Ф. Тиннефельда, «семантическую проблему», над которой он попросту не пожелал ломать голову. Думаем все-таки, что ни протокольные, ни «семантические» трудности не могут отменить правил грамматики.

тяти, то именовалась бы, скорее всего, не «невесткой», а «младшей царницей»⁶³. Однако эти логичные с точки зрения здравого смысла соображения вряд ли могут быть приняты. Вернемся к фрагменту № 3: «сел василевс с августой и порфирородными *его* (αὐτοῦ) детьми»; отсюда ясно, что необходимым было лишь указание на царствующего отца, тогда как мать, действительно, могла выглядеть как бы «отделенной» от собственных детей. Что до именованья жены Романа II невесткой, то ведь нам неизвестно, была ли она к тому времени коронована августой или нет. Если считать, что такая коронация была условием возможности участвовать в официальной церемонии⁶⁴, то имя «невестки» в таком случае столь же мало подходило бы Берте в 946 г., соколь и Феофану в 957-м. Скорее всего, Феофан едва ли могла претендовать на титул августы даже в случае рождения ею порфирородного дитяти при жизни Константина VII, так как в ранне- и средневизантийское время супруга василевса-соправителя, как считается, вообще не имела права на этот титул⁶⁵.

Прежде чем переходить к вопросу о детях Романа II, скажем несколько слов о дате его коронации: как мы видели, одну из традиционных датировок ее пасхой 948 г. иногда выдвигали в качестве аргумента против гипотезы о 946 г. Колебания в историографии на этот счет возникли из-за неоднозначности текста Скилицы: из него неясно, к какому именно из предшествующих событий следует отнести слова хрониста, что Константин VII венчал сына «на пасху *того же индикта*»⁶⁶. Однако после того, как Н. Икономидис⁶⁷ привлек к дискуссии оригиналы южноитальянских грамот времени Романа II, датированных не только индиктом, но и годом правления василевса, стала возможной абсолютно точная датировка начала соправления сына Константина VII. Правда, сам Н. Икономидис, будучи, очевидно, введен в заблуждение неверным пересчетом индиктов в годы христианской эры, сделанным издателями корпуса барийских актов, извлек из них и неверную дату коронации — пасху 945 г. Единственно верной датировкой, вытекающей из грамот, является пасха 946 г.⁶⁸, но и она не противоречит гипотезе о 946 г. Таким образом, вопрос о начале соправления Романа II из дискуссии о времени путешествия Ольги в Константинополь надо исключить.

Итак, были ли осенью 957 г. у Романа II дети? Точный ответ на этот вопрос, к сожалению, невозможен. Старший из трех его детей, сведениями

⁶³ Литаврин Г. Г. Русско-византийские связи. . . С. 42, примеч. 10.

⁶⁴ Литаврин Г. Г. К вопросу об обстоятельствах. . . С. 51.

⁶⁵ Missiou D. Über die institutionelle Rolle der byzantinischen Kaiserin // Akten des XVI. Internationalen Byzantinistenkongress. Wien, 4.—9. Oktober 1981. Wien, 1982. II. T. 2. Teilbd. (JöB. Bd. 32/2). S. 491.

⁶⁶ Scyl. 237.6—7.

⁶⁷ Oikonomides N. La cronologia dell'incoronazione dell'imperatore bizantino Costantino VIII (962) // Studi Salentini. 1965. Fasc. 19. P. 173—176; выражаем признательность Г. Г. Литаврину за возможность познакомиться с этой труднодоступной публикацией.

⁶⁸ Codice diplomatico Barese. Bari, 1897—1900. Vol. 1: Le pergamene del Duomo di Bari (952—1264) / Ed. G. B. Vitto de Rossi, F. Nutti di Vito. 1. P. 3: июнь XI индикта (953, а не 952), 8-й год Романа II: 2. P. 5; май I индикта (958, а не 957), 13-й год Романа; 3.P.6: февраль III индикта (960, а не 959), 15-й год Романа; 4.P.7: май V индикта (962), 17-й год Романа; Ibid. Vol. 2: Le pergamene di S. Nicola di Bari. Periodo greco (939—1071) / Ed. F. Nutti di Vito. 2. P. 5: май V индикта (962), 17-й год Романа. Все приведенные даты согласны друг с другом и указывают на пасху 946 г. (22 марта) как день коронации Романа II, если за первый год его правления принять отрезок 22 марта—31 августа 946 г.

Правда, справедливости ради надо сказать, что есть еще один, на этот раз венецианский, документ, датированный июнем III индикта (960 г.), 14-м годом Романа II (Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig / Ed. G. L. Tafel, G. M. Thomas. Wien, 1856. Bd. 1, N 13. S. 19). Если полагаться на эти данные, то коронацию Романа II пришлось бы отнести к пасхе (11 апреля) 947 г., т. е. к одной из дат, извлекаемых из текста Скилицы. Однако единодушное свидетельство барийских оригиналов следует, думается, предпочесть датировке венецианского декрета, сохранившегося в позднейших копиях, причем указание на 14-й год есть только в списке из хроникки Андрео Дандоло (который, впрочем, наверняка имел дело с оригиналом), тогда как в остальных стоит невероятное: «в 24-й год».

о которых располагает наука, Василий II, родился, скорее всего, в начале 958 г.⁶⁹ Прямых сведений о детях Романа до Василия в источниках нет (если, разумеется, не считать свидетельства Константинова трактата). Но значит ли это, что в 957 г. у восемнадцатилетнего соправителя Константина Багрянородного не могло быть детей? Конечно, не значит. Речь могла идти и о первенце, умершем в детстве, к тому же женского пола, так что не было бы ничего удивительного, если бы его рождение не нашло отражения в историописании. Красноречивейший тому пример дает нам в руки каталог погребений членов Македонской династии⁷⁰, где фигурирует следующее потомство Василия I: Стефан, Александр, Константин, Варда, Мария, Анна, Елена, Анастасия, а у Льва VI, кроме Константина VII, назван еще один сын, Василий. Половину из этих имен мы тщетно стали бы искать в источниках, помимо «De serimoniis».

Вероятность положительного ответа на вопрос о детях Романа II можно оценить, постаравшись по возможности уточнить время брака Романа с Феофаном. В историографии второй брак Романа II традиционно относят ко времени *около* 956 г. Очевидно, эта дата является производной от наиболее вероятной даты рождения Василия II, приведенной выше. Сама по себе такая ориентировочная датировка не может вызвать возражений, но нам сейчас важнее знать, в каких пределах она варьирует.

У Скилицы сообщение о женитьбе Романа на Феофано-Анастасии прямо не датировано, но помещено в следующем контексте: неудачные разговоры в пользу Романа и Стефана Лакапинов (последний — в декабре 947 г.)⁷¹; возобновление венгерских набегов на империю (948 г.) и их прекращение только после крещения вождей Вулчу и Дьюлы⁷²; крещение в Константинополе княгини Ольги; брак Романа⁷³; события арабо-византийской войны 953—956 гг.⁷⁴; смерть патриарха Феофилакта в феврале 956 г. и поставление в апреле Полиевкта⁷⁵. Поскольку крещение Вулчу произошло примерно в 948 г., а Дьюлы в 952 г.⁷⁶, а о крещении Ольги сказано, очевидно, по ассоциации с крещением венгров (примеры такого ассоциативного изложения у Скилицы на каждом шагу), то выходит, что Скилица помещает второй брак Романа II среди событий 952—956 гг. К такому же разбросу дат мы можем прийти и другим путем.

Установлено, что после смерти в 949 г. Берты Провансальской возник проект нового политического брака Романа, на этот раз с Хедвигой, племянницей Оттона I, дочерью баварского герцога Генриха. Судя по всему, предварительная договоренность на этот счет была достигнута, так как византийские евнухи не только рисовали с Хедвиги портрет «на поглядение» императору⁷⁷, но и обучали ее греческому языку⁷⁸.

⁶⁹ Ostrogorsky G., Stein E. Op. cit. S. 197. Anm. 1; *Oikonomides N.* Op. cit. P. 178 & n. 4. Достойно упоминания, что поздний арабский историк ал-Айни (умер в 1451 г.), активно использовавший ранние источники, помещает рождение Василия II под 346 г. (апрель 957—март 958 г.). См.: *Васильев А. А.* Указ. соч. Прил. С. 179.

⁷⁰ De serim. II, 42. P. 642—649; см. также новое комментированное издание этого каталога: *Downey G.* The Tombs of the Byzantine Emperors at the Church of the Holy Apostles in Constantinople // *JHS. L.*, 1959. Vol. 79. P. 27—51.

⁷¹ *Scyl.* 238.49—239.58.

⁷² *Ibid.* 239.60—66.

⁷³ *Ibid.* 240.82—86.

⁷⁴ *Ibid.* 240.87—242.46.

⁷⁵ *Ibid.* 242.47—244.15.

⁷⁶ *Moravcsik Gy.* Byzantium and the Magyars. Budapest, 1970. P. 56, 104, 106.

⁷⁷ Продолжатель Феофана представляет Константина VII большим любителем и знатоком живописи. См.: *Theoph. Cont.* 450.12—17.

⁷⁸ *Ekkehardi Casus sancti Galli.* Cap. 90 // MGH SS. Hannover, 1829. T. 2. P. 123. К 952 г. относят брачное посольство к Оттону I, например: *Leyser K.* The Tenth Century in Byzantine-Western Relations // *Relations between East and West in the Middle Ages.* Edinburgh, 1973. P. 36; *Lounghis T. C.* Les ambassades byzantines en Occident depuis la fondations des états barbares jusqu'aux croisades (407—1096). Athènes, 1980. P. 200. Не исключено, что именно с этими брачными переговорами связана та переписка, следы которой отложились в каталоге адресатов обрядника Константина Багрянородного, где бок о бок упомянуты саксонский и баварский «короли» (ὁῖξ Σαξωνίας, ὁῖξ Βαϊουάρη). См.: De serim. II. 48. P. 689.5.

Однако планам не суждено было осуществиться: в конце 954 г. Хедвига была выдана за швабского герцога Бурхарда II ⁷⁹. Греки или немцы разорвали брачную договоренность, источники умалчивают, но более или менее определенные суждения на этот счет все-таки возможны.

Несмотря на неудачу попытки вступления в Рим и коронации уже в 951—952 гг. ⁸⁰, Оттон I, как показывают дальнейшие события, не оставил своих планов восстановить Западную империю. Самым трудным препятствием на пути международного признания императорского титула за франкскими, а потом и германскими королями всегда было сопротивление василевсов. Думаем поэтому, что Оттон I едва ли добровольно отказался бы от слишком перспективного для него в этом отношении брака Романа II с дочерью своего младшего брата. Это значит, что в конце 954 г., когда Хедвига была выдана за Бурхарда, немецкий двор уже был свободен от брачных обязательств, и брак Романа II с харчевницей Анастасией, если он символизировал отказ от руки немецкой принцессы, должен был приходиться примерно на 953 или 954 г. Тем самым для предположения, что у Романа и Феофано могли быть дети и до Василия, хронологических препятствий не видно. Можно даже подкрепить его кое-какими конкретными соображениями.

Доподлинно известно, что в 967 г. Оттон I сватал за своего сына Оттона II дочь покойного Романа II ⁸¹. Это, конечно, могла быть и четырехлетняя Анна, впоследствии жена киевского князя Владимира Святославича, хотя уже Г. А. Острогорский допускал, что германский император имел в виду другую, старшую дочь Романа, которая и фигурирует в рассказе о приеме Ольги ⁸². Поскольку эта догадка апеллирует к трактату Константина, она не может быть использована здесь нами. Но в этой связи А. Поппэ обратил внимание на одно загадочное сообщение Титмара Мерзебургского: Владимир Киевский «привел себе жену из Греции, по имени Елена, сосватанную Оттону Третьему, но коварным образом у него перехитренную, и по ее настоянию принял святую христианскую веру» ⁸³. Почему весьма информированный немецкий хронист называет супругу Владимира Еленой? Польский историк предположил, что под этим именем может скрываться старшая дочь Романа II, о существовании которой догадывался Г. А. Острогорский. Имя Елены для нее было бы естественным, потому что так звали ее бабу, царствующую императрицу Елену Лакапину ⁸⁴.

Тезис А. Поппэ можно развить, если сделать попытку ответить еще на один вопрос: почему Титмар говорит об Оттоне III, допуская очевидный анахронизм, так как хорошо известно (и об этом пишет сам хронист в том числе), что сватовство Оттона III приходится на 995 г.? ⁸⁵ Если полагать, что Титмар просто не знал, когда именно киевский князь женился на Анне, а потому мог ошибочно полагать, будто это случилось после 995 г., то необъяснимым окажется имя Елена. Дело в том, что Оттон III мог свататься только к одной из трех дочерей Константина VIII; вернее, к одной из двух младших, его приблизительных ровесниц — Зое или Феодоре, так как старшая, Евдокия, в это время была уже в монастыре. Елене было взяты неоткуда.

⁷⁹ Köpke R., Dümmler E. Kaiser Otto der Grosse. Leipzig, 1876. S. 241—242.

⁸⁰ Ibid. S. 199.

⁸¹ *Reginonis abbatis Prumensis Chronicon cum continuatione Treverensi* / Ed. F. Kurze. Leipzig, 1890. P. 179: «privigna ipsius Nichofori, filia scilicet Romani imperatoris»

⁸² *Ostrogorsky G., Stein E.* Op. cit. S. 198.

⁸³ Die Chronik des Bischofs Thietmar von Merseburg und ihre Korveier Überarbeitung / Hrsg. R. Holtzmann. B., 1935. (Далее: *Thietm.*) VII. 72. P. 486.

⁸⁴ *Poppe D., Poppe A.* Dziewostęby o porfirogenetkę Annę // *Cultus et Cognitione: Studia z dziejów średniowiecznej kultury.* Warszawa, 1976. S. 545. Przyp. 8; *Poppe A.* The Political Background to the Baptism of Rus': Byzantine-Russian Relations between 986—989 // *DOP.* 1976. Vol. 30. P. 230, N 114; 234; N 127.

⁸⁵ *Thietm.* IV. 28. P. 167; *Uhlirz M.* Jahrbücher des Deutschen Reiches unter Otto II. und Otto III. München, 1954. Bd. 2. S. 180, 232, 341.

Иногда считают, что Елена как имя супруги Владимира могло возникнуть у Титмара вследствие пуганицы с именем Елены-Ольги, бабки киевского князя: информант Титмара видел саркофаги Владимира, Анны и Ольги, стоявшие посредине Десятинной церкви⁸⁶, и принял гробницу Ольги за захоронение жены Владимира⁸⁷. Но это подкупающее своей простотой объяснение приходится отвергнуть. Дело в том, что, работая над VII книгой хроники, Титмар еще не располагал сведениями, доставленными ему информантом-очевидцем киевского похода Болеслава Храброго в 1018 г.⁸⁸ В качестве гипотезы предлагаем следующее решение.

Нет ничего удивительного в том, что имя потенциальной невесты Оттона II в 967 г. осталось неизвестным Адальберту, аббату далекого эльзасского Вайсенбурга, автору «Продолжения Регинона»; но его, думается, должны были знать Зигфрид, граф в Хассегау (в междуречье Заале и Эльбы), и мерзебургский граф Гюнтер, предводительствовавшие карательной экспедицией на юг Италии, которую Оттон I предпринял в 968 г. в ответ на отказ Никифора Фоки выслать немцам дочь Романа II⁸⁹. Поэтому, когда скандальный слух о женитьбе киевского князя на порфирогените, дочери покойного Романа II, быстро докатившийся до европейских дворов⁹⁰, муштровался среди восточносаксонской знати, он именно здесь мог быть сопоставлен с памятными многим событиями двадцатилетней давности, причем имя несостоявшейся невесты Оттона II легко могло быть перенесено на супругу Владимира, имени которой, видимо, не знали. Эти-то слухи и запомнились 14—15-летнему сыну вальбекского графа, будущему хронисту (Титмар родился в 975 г.). Когда он через четверть века вносил сведения о Владимире Киевском в свою хронику, то хорошо помнил лишь обстоятельства дела (предпочтение, оказанное русскому князю перед германским императором, крещение князя в связи с женитьбой, имя гречанки) и то, что он слышал все это будучи учеником в школе при архиепископском капитуле в Магдебурге (с 990 примерно до 998 г.). Вот почему Титмар воспринял германское и русское сватовство как одновременные⁹¹ и, понятно, спроецировал время распротранения слухов на все упоминавшиеся в них события, отнеся их, таким образом, ко времени Оттона III (983—1002). А так как он знал, что в 995 г. Оттон III действительно безрезультатно сватался за порфирогениту, то в итоге у него и возникло представление, будто жена Владимира поначалу «была сосватана за Оттона Третьего, но потом коварным образом у него восхищена». Так Елена стала на страницах Титмаровой хроники женой киевского князя. Другого объяснения этого трудного места мы пока не видим⁹².

Итак, осенью 957 г. у Романа II мог быть ребенок, возможно дочь по имени Елена. Но могла ли она по малолетству присутствовать на церемонии? Приходится снова констатировать, что мы не можем определенно ответить на этот вопрос из-за недостаточного знакомства с византийским протоколом. Остаются косвенные соображения. Отпрыск Романа не упоминается в числе присутствовавших ни на приемах у василевса и импера-

⁸⁶ *Thietm.* VII. 74. P. 488.

⁸⁷ См., например: Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года и ее источник. М.; Л., 1957. С. 75; Рапов О. М., Ткаченко Н. Г. Русские известия Титмара Мерзебургского // Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1980. № 3. С. 61, примеч. 42.

⁸⁸ Назаренко А. В. События 1017 г. в немецкой хронике начала XI в. и в русской летописи // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1980 год. М., 1982. С. 179—180.

⁸⁹ *Thietm.* II. 15. P. 56.

⁹⁰ *Poppe D., Poppe A.* Op. cit.

⁹¹ В рассказе о событиях 967 г., в том числе и о сватовстве, в котором Титмар в основном следует Видукинду, но предлагает и собственную информацию, имени Елены нет. См.: *Thietm.* II. 15.

⁹² Перечисляя детей Романа II, оставшихся после его смерти в 963 г., Скилица называет только Василия, Константина и Анну (*Scyl.* 254.37—39). Хотя мы не собираемся настаивать на нашей гипотезе, что старшая дочь Романа (если таковая была) была жива еще в 967 г., это место Скилицы едва ли может ее опровергнуть. Не исключено, что хронист попросту перечислил имена, которые неоднократно упомянуты у него (следовательно, и в его источнике) помимо цитируемого места.

трицы, ни на следовавших за ними обедах. Он упомянут только однажды, в связи с десертом после обеда 9 сентября, т. е. с самым «камерным» из имевших место мероприятий. Не намекает ли это обстоятельство как раз на его малолетство? Немаловажно и то, что другие официальные церемонии, например, коронация василевса-соправителя, не предполагали возрастного ценза, как можно заключить из факта коронации Константина VIII в возрасте примерно одного года⁹³.

Рассматривая в связи с проблемой датировки византийского путешествия княгини Ольги древнерусские источники, Г. Г. Литаврин акцентирует два момента. Во-первых, исследователь придает особое значение показанию Иакова Мниха, что Ольга отправилась в Царьград «по смерти мужа своего Игоря»⁹⁴. Во-вторых, им затрагивается вопрос о времени смерти Игоря.

Нам кажется, что придавать словам Иакова характер более или менее точного хронологического указания нельзя, так же как и аналогичному свидетельству Скилицы, что Ольга прибыла в Константинополь «после того, как умер ее муж»⁹⁵. Тот же Скилица двумя строками ниже говорит, используя, как и в случае с Ольгой, оборот *Gen. absolutus*, что Романа отец женил на Феофано «после того, как умерла дочь Гуго»⁹⁶; между тем эти два события разделены промежутком по меньшей мере в несколько лет. От использования данных Скилицы в этом смысле Г. Г. Литаврин в последних работах⁹⁷ отказался, но по другой причине: придя к выводу о двух поездках Ольги в Константинополь, в 946 и 955 гг., он считает теперь, что хронист поместил сообщение о крещении киевской княгини, ориентируясь на дату ее второго визита; при этом в его рассказе слились сведения об обоих путешествиях⁹⁸. Думаем, и Скилица, и Иаков хотели сказать только, что Ольга прибыла в Царьград в ранге самостоятельной правительницы Киевского государства.

Г. Г. Литаврин, говоря о древнерусской летописи, ограничивается указанием на историографический итог дискуссии о годе смерти Игоря: осень 944, а не 945 г., под которым это событие помещено в «Повести временных лет»⁹⁹. Возникает впечатление, что в остальном летопись, по мнению историка, не содержит препятствий для гипотезы о 946 г. Нам кажется, что такой взгляд был бы слишком оптимистичен. В свое время кропотливый А. Л. Шлецер настоятельно подчеркивал, что ход летописных событий (стояние под Искоростенем, уставление Древлянской земли, годичное пребывание в Киеве, поездка в Новгород) естествен и не оставляет места для константинопольского вояжа в 946 г. «Можно ли думать, — писал один из первых критиков гипотезы И. Геснера, — чтобы сия правительница государства во время чрезвычайно критического положения, в которое Киевская держава была приведена возмущением древлян, вздумала прогуляться в отдаленный Царьград?»¹⁰⁰ Характерно, что Н. Ф. Котляр, приняв датировку Г. Г. Литаврина и желая подкрепить

⁹³ Константин родился «на следующий год» («τὸ ἐπὶ ἔτει ἔτει») по смерти деда (ноябрь 959 г.) (*Scyl.* 248.3), т. е., видимо, после сентября 960 г. О дате коронации (пасха 962 г.) см.: *Oikonomides N.* Op. cit.

⁹⁴ *Зимин А. А.* Память и похвала Иакова мниха и житие князя Владимира по древнейшему списку // КСИС. 1963. Вып. 37. С. 69; *Литаврин Г. Г.* О датировке посольства. . . С. 177, 181; *Он же.* Путешествие русской княгини Ольги. . . С. 37.

⁹⁵ *Scyl.* 240.78: «τὸ ἄνδρὸς αὐτῆς ἀποθανόντος». *Литаврин Г. Г.* Путешествие русской княгини Ольги. . . С. 40.

⁹⁶ *Scyl.* 240.82—83: «τῆς Οὐγόου παιδὸς ἀποθανούσης».

⁹⁷ *Литаврин Г. Г.* Русско-византийские связи. . . С. 48.

⁹⁸ Там же. С. 49.

⁹⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 55; Т. II. Стб. 43. *Литаврин Г. Г.* О датировке посольства. . . С. 177; *Он же.* Древняя Русь. . . С. 68.

¹⁰⁰ *Шлецер А. Л.* Указ. соч. С. 434—435. Несогласие данных «Повести временных лет» с гипотезой о 946 г. отмечалось и позже (хотя и изредка) теми исследователями, которые еще помнили о самой возможности относить прием Ольги в Константинополь к 946 г. См., например: *Савва В.* О времени и месте крещения русской в. кн. Ольги: (Опыт историко-критического разбора) // Сб. Харьк. ист.-фил. общества. Харьков, 1890. Вып. 3. С. 8.

ее анализом летописи, показать, что «сама логика летописного повествования ей не противоречит»¹⁰¹, не может обойтись без двукратного вмешательства в текст «Повести временных лет». Ему приходится совместить летописные статьи 945 и 946 гг., в которых повествуется о мести древлянам, под одним 945 г. Далее, рассказ летописи под 947 г. о поездке Ольги «Новгороду» и уставлении ею «погостов и даней» по Мсте и Луге признается, вслед за А. А. Шахматовым¹⁰², «вымышленным сообщением».

Конечно, нельзя отрицать возможности удлинения хронологии под пером летописца, внесившего погодную сетку в лишенный временных координат рассказ. Но именно в данном случае разбиение повествования о древлянской войне на две погодные статьи мотивировано указанием, содержащимся в самом тексте предания, что Ольга провела под стенами Искоростеня год: «стоя Ольга лѣто, не можаше взяти града»¹⁰³. Следовательно, если Игорь погиб в полюдьё зимой 944/45 г., то «древлянская кампания» Ольги, как раз и должна была закончиться не раньше 946 г.

Далее, так ли уже неправдоподобна поездка Ольги на север после усмирения древлян? Отправной точкой рассуждений А. А. Шахматова было чисто текстологическое наблюдение, что после слов: «И иде Вольга по Деревстей земли съ сыном своимъ и съ дружиною уставляючи уставы и уроки, и суть становища еѣ и ловища». . . — следовало бы ожидать пояснения, где именно эти становища располагались. Вместо этого следует краткое сообщение о поездке княгини на Новгородчину, а за ним как бы недостающий конец процитированной фразы: «и ловища ея суть по всеи земли»¹⁰⁴. Следовательно, по мысли А. А. Шахматова, «новгородский фрагмент» является вставкой местного, новгородского происхождения, какие исследователь в достаточном количестве обнаруживал в Начальном своде¹⁰⁵.

Со всем этим можно было бы, пожалуй, согласиться, но что отсюда следует? Строго говоря, только то, что новгородский редактор неудачно выбрал место для своих материалов (логичнее было бы вставить их после слов: «. . . и есть село ея Ольжичи и доселе»), но вовсе не то, что они непременно им вымышлены. По мнению А. А. Шахматова, у новгородского книжника мог быть следующий мотив для сочинительства: раз Ольга оказалась в «Деревстей земли», которую он принял за новгородскую Деревскую пятину, то его местный патриотизм не догускал и мысли, что при этом княгиня могла миновать собственно Новгород. Нам кажется все-таки, что это был не слишком уместный повод для проявления новгородского патриотизма: ведь, помещая рассказ об уставлении Новгородской земли сразу же после рассказа об уставлении совершенно униженных киевской княгиней древлян, летописец прямо-таки провоцировал читателя на невольное сопоставление и уподобление обеих земель в их зависимости от Киева. Если принять ход мысли А. А. Шахматова, то эту вставку пришлось бы, скорее, приписать киевскому редактору. Тем самым предложенную А. А. Шахматовым мотивировку мы не можем признать удачной.

Итак, нет необходимости считать «новгородский фрагмент» вымышленным. Более того, сообщение Константина Багрянородного о новгородском княжении Святослава¹⁰⁶ позволяет заключить, что поездка Ольги в Новгород для поселения там сына должна была иметь место, причем до 950/951 г., как видно из датировки трактата «Об управлении империей»¹⁰⁷. Мы не скажем ничего нового, если напомним, что в раннюю пору древнерусской государственности владению Новгородом киевские

¹⁰¹ *Котляр Н. Ф.* Древняя Русь и Киев в летописных преданиях и легендах. Киев, 1986. С. 104.

¹⁰² *Шахматов О. О.* До питання про північні перекази за княгиню Ольгу // Зап. Українського наукового товариства в Києві, 1908. Кн. 2. С. 84—93.

¹⁰³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 58; Т. II. Стб. 47.

¹⁰⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 60.; Т. II. Стб. 48—49.

¹⁰⁵ *Шахматов О. О.* Указ. соч. С. 86—87.

¹⁰⁶ De adm. imp. Cap. 9. P. 56.4—5.

¹⁰⁷ 948—952 гг.: Ibid. P. 11.

князя придавали особое значение, сажая здесь, как правило, старшего сына: при Ольге здесь княжил Святослав, при Святославе — Владимир, при Владимире — старший Вышеслав, а затем Ярослав, при Ярославе — старший Владимир. Потрясение, вызванное в государстве таким из ряда вон выходящим событием, как убийство киевского князя, надо полагать, было чрезвычайным. Именно в это время Киев утратил контроль над землями западных соседей древлян, в частности над хорватами и лендянами¹⁰⁸. При такой внутривосточной ситуации внимание, оказанное Ольгой именно Новгороду, выглядит более чем естественным¹⁰⁹.

Таким образом, считать, что летопись позволяет принять датировку Г. Г. Литаврина, без принципиальных оговорок нельзя. Летопись в том виде, как она дошла до нас, прямо ей противоречит, и без исправления ее текста, не «расчищая дороги», гипотезу о 946 г. не обосновать. Разумеется, если бы трактат Константина «О церемониях» содержал 946 г. в качестве несомненной и единственно возможной даты приема Ольги, ее следовало бы без колебаний предпочесть летописной хронологии. Однако коль скоро суть проблемы как раз и заключается в невозможности однозначно датировать поездку Ольги, исходя из данных обрядника, то несогласие летописной хронологии с гипотезой Г. Г. Литаврина нельзя расценивать иначе, как прямое и весьма серьезное свидетельство против последней. Мы не знаем, что заставило летописца поместить повесть об Ольге именно под 955 г., но при известной лабильности летописных дат для раннего периода (тем более что повесть находится в окружении «пустых» годов) 955 г. значительно легче согласовать с 957 г., чем с 946.

* * *

Итак, нами разобраны все выдвигавшиеся до сих пор аргументы pro и contra обеих возможных датировок поездки княгини Ольги в Константинополь: 946 и 957 гг. Суммируем вкратце результаты.

В дилемме, что предпочесть: данные заголовков 15-й главы или самого ее текста, мы пока склоняемся к последнему. Приемы арабов, описанные до приемов Ольги, *не могут* быть безоговорочно отнесены к 946 г. и *могут* относиться к 957 г. Кроме того, те и другие совершенно необязательно соединять под одним годом. Упоминание испанов, принятых в октябре 949 г., доказывает, что под руками Константина Багрянородного в момент работы над 15-й главой были протоколы отнюдь не за один год. В заголовках к ней имеются детали, которые можно расценить как свидетельства работы над ними позднейшего редактора. Аргумент с тронем Феофила, которому Г. Г. Литаврин, кажется, склонен придавать решающее значение, мы не можем признать таковым, ибо, на наш взгляд, он основан на *необязательном* прочтении текста. Напротив, в отличие от фразы, в которой упомянут трон Феофила, пассаж о детях Константина и Романа грамматически и стилистически выглядит безукоризненно и не производит впечатления испорченного. Он не вызывает особых подозрений и по содержанию, так как в 957 г. у Романа II *могли* быть дети.

Перечисленные соображения приводят нас к заключению, что на основе данных обрядника Константина VII гипотезу о 946 г. нельзя ни доказать,

¹⁰⁸ Хорваты упомянуты еще в войске Олега (ПСРЛ. Т. I. Стб. 29; Т. II. Стб. 25); так как Константин называет в числе данников Руси их соседей червенско-сандомирских лендянов (De adm. imp. Cap. 9. P. 56, 10; Cap. 37. P. 168.44), то надо полагать, что власть Киева сохранилась над ними и при Игоре. Владимиру же, как известно, снова пришлось вести войны и с хорватами, и за червенские города. См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 81, 122; Т. II. Стб. 69, 106.

¹⁰⁹ Пытаясь усилить аргументацию А. А. Шахматова, Н. Ф. Котляр пишет: «Мероприятия по „окняжению“. . . Древлянской земли, подавление сопротивления ее на местах. . . введение новых законодательной, административной и даннической систем требовало больших усилий, немало времени и, главное, присутствия княгини если не в самой Древлянской волости, то в Киеве. Поэтому ее поездка на далекий северозапад Руси, которая должна была занять несколько месяцев, кажется странной» (Котляр Н. Ф. Указ. соч. С. 99—100). Выходит, умиротворение древлян мешало Ольге посетить Новгород, но не могло воспрепятствовать ее путешествию в Константинополь?

ни опровергнуть. Она возможна, так же как и гипотеза о 957 г. Рассказ Скилицы не содержит достаточных хронологических опор. В такой ситуации решающее значение, как нам кажется, приобретают показания «Повести временных лет», которые прямо противоречат предположению о поездке киевской княгини в Константинополь в 946 г. Текстологическое изучение отрезка Повести за 945—947 гг., начатое А. А. Шахматовым, если бы оно дало какие-либо определенные результаты, а также, возможно, те или иные новые данные были бы весьма желательны для того, чтобы внести больше ясности в этот остающийся дискуссионным вопрос.

РЕПЛИКА К СТАТЬЕ

Предлагая в 1981 г. датировать описанную Константином VII поездку княгини Ольги в Константинополь 946 г., а не традиционно принимаемым в историографии 957 г., я надеялся на дискуссию по этому небезразличному для ранней древнерусской истории вопросу. В последние годы мою аргументацию признали убедительной такие исследователи, как Л. Мюллер, В. Водофф, Ф. Тиннефельд¹. Однако дискуссию в подлинном смысле открывает именно эта статья А. В. Назаренко, представляющая, несомненно, большой интерес. Автор не отвергает полностью возможность отстаиваемой мной датировки (946 г.), но он последовательно и методично ослабляет приводившуюся мной аргументацию, предпочитая прежнюю дату (957 г.). Доводы А. В. Назаренко не представляются мне безупречными, и развернутый ответ автору был бы, казалось, естественной реакцией. Однако я убежден в том, что в ближайшее время нужно дать возможность высказаться по существу доказательств обеих сторон «третьей стороне» — другим ученым. Поэтому я позволю себе здесь пока лишь краткую реплику, не слишком отдаляясь от главного, лежащего в основе спора источника — описания путешествия Ольги Константином VII.

А. В. Назаренко считает мой заключение о восседании 9 сентября царицы Елены и ее невестки (Берты?) на одном троне Феофила основанными на «необязательном прочтении текста». Но это мнение ошибочно, если, конечно, не вводить в текст конъектур. Обе царицы сидели вместе на одном троне во время пира. Невестка до обеда занимала не детское низкое кресло и не могла вообще сидеть (по этикету) на каком-либо ином удобном для девочки сиденье (автор полагает, что таковое могло найтись во дворце). Она занимала до пира *царское* «золотое кресло», т. е. трон, который был ниже трона Феофила не потому, что был детским, а потому, что был предназначен не для автократора и не для старшей царицы, а для соправителей и младших царей. Небрежность автора или переписчика соответствующего пассажа источника (забыл, как предполагает А. В. Назаренко, указать, какое сиденье занимала невестка за столом) в принципе, разумеется, возможна, но следует учесть, что в 15-й главе всюду, где указано, на каком троне восседал василевс (или деспина), *обязательно* отмечено, на чем сидел соправитель — Роман II (или невестка старшей царственной пары). В рассматриваемом же месте речь идет лишь о троне Феофила. На любое же (удобное!) кресло пересадить невестку с низкого трона было нельзя — она царица, хотя и младшая, и могла сидеть также *лишь на троне*.

А. В. Назаренко ошибается, по моему мнению, и в том, что мы недостаточно знаем придворный церемониал и порядок титулования императоров («византийский протокол»). Напротив, эта сторона дела довольно хорошо изучена. В частности, иерархическая последовательность перечня членов правящей семьи в официальных документах соблюдалась неукоснительно. Из упоминаний о невестке в 15-й главе (она всюду названа на последнем

¹ Müller L. Die Taufe Russlands. München, 1987. S. 78; Vodoff V. Naissance de la chrétienté russe. Condé-sur-l'Escaut, 1988. P. 52; Tinnefeld F. Die russische Fürstin Olga bei Konstantin VII und das Problem der «purpurborenen Kinder» // Russia medievalis. 1987. T. VI, 1. S. 30—37.